

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЯРЛЫК ПОЗИТИВИЗМА

О.П. Панафидина, Н.П. Козаченко

1 Введение

Проблема классифицирования философских школ и направлений представляет собой достаточно сложное и в некотором роде условное предприятие, особенно если речь идет о современной философии. Неверно выбранный критерий классификации неизбежно порождает опасность упрощения и даже искажения сути философского учения того или иного мыслителя. В отечественной философской традиции указанная проблема усугубляется во многом сохранившейся советской установкой навешивания ярлыков не только на концепции отдельных мыслителей, но и на целые философские направления. Одним из наиболее типичных примеров искажения сути современной западной философии в результате такого рода «ярлыкового подхода» можно считать все еще часто встречающееся отнесение аналитической философии к позитивистскому направлению.

Бесспорно, некоторые существенные черты позитивизма были присущи отдельным разновидностям аналитической философии на определенных этапах ее развития, но в то же время концепции многих ведущих аналитиков имели ярко выраженную антипозитивистскую направленность¹. Так, например, неопозитивизм (логический эмпиризм, логический позитивизм) активно воспринял идеи ранней аналитической философии, сделав анализ неотъемлемым компонентом собствен-

¹ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. — М.: Высшая школа, 2006. — С. 14.

ной концепции, что позволяет обозначить его как одно из направлений аналитической философии. Однако следует отметить, что вместе с некоторыми методологическими аспектами учений первых философов-аналитиков (Б. Рассел, Дж.Э. Мур, Л. Витгенштейн) логические позитивисты восприняли и ключевые идеи позитивистов О. Конта и Э. Маха. Такие специфические особенности позитивизма как антиметафизическая направленность, верификационизм, последовательный эмпиризм, физикализм и редукционизм, в целом характерные для неопозитивизма, не могут быть распространены на аналитическую философию в общем. Если же рассматривать аналитическую философию как «семейство концепций позитивистского толка»², возникает соблазн провозгласить ее пережитком прошлого, философскую несостоятельность претензий которого успешно показало дальнейшее развитие философской мысли (речь идет о крахе глобальных программ позитивизма к середине XX в.). Такой подход во многом присущ и современной украинской философской мысли, традиционная широкая антропологическая направленность которой часто противопоставляется сухому анализу, применимому только при рассмотрении проблем философии науки, но неадекватному при рассмотрении по-настоящему важных мировоззренческих проблем³.

В данной статье мы будем рассматривать аналитическую философию как широкое рационалистическое движение в современной философии, противостоящее любого рода иррационалистическим направлениям и лишь частично пересекающееся с позитивизмом на определенном этапе своего развития. На примере философских концепций Б.А.У. Рассела и К.Р. Поппера, которым наиболее часто в отечественной философской мысли навешиваются ярлыки нео- и постпозитивизма, мы попытаемся обосновать тезис, что не вся аналитическая философия сводится к позитивизму. Также мы попробуем доказать, что крах позитивистской методологической программы не означает необходимости устранения аналитической философии из современного фи-

² Козлова М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии) // История философии. — 2000. — Вып. 5. — С. 5.

³ Так, например, В.И. Ярошевец одной из парадигм современной мировой философии называет «позитивистскую (особенно в ее неопозитивистском и „аналитическом“ вариантах)». Однако явное предпочтение он отдает «экзистенциальной» парадигме, и в связи с этим утверждает, что «возможности методологоцентризма» исчерпаны, а «императивом философского дискурса» стает «вопрос о содержании человеческой жизни и назначении человека, заброшенного в мир». — См.: *Ярошевець В. Методологічна рефлексія історико-філософського процесу* // Психологія і суспільство. — 2010. — № 1. — С. 67, 74.

лософского дискурса. Напротив, она в течение XX в. была и сегодня остается достаточно влиятельным направлением философской мысли, причем не только в англоязычных странах, где ее позиции традиционны и сильны, но и во многих странах континентальной Европы.

2 Позитивистское направление в философии и ярлык позитивизма

Возникновение позитивизма как философского направления связано прежде всего с актуализацией эмпиристской традиции и критическим отношением к спекулятивным метафизическим построениям немецких идеалистов на фоне огромных успехов естественных наук. Позитивизм в качестве методологической программы, как известно, занимал доминирующее положение вплоть до середины XX века, пройдя в своем развитии несколько стадий (классический позитивизм, эмпириокритицизм, логический эмпиризм).

Немаловажную роль позитивизм в качестве целостной методологической программы сыграл и в становлении науки как таковой. Н.В. Трубникова отмечает, что именно «позитивистский» период развития науки можно рассматривать в качестве беспрецедентного по степени важности момента.

В этот период формируется новая концепция объективности научного знания, в которой «истинным» признается исследование, верифицируемое экспериментально, создается представление о профессиональном научном сообществе и по необходимости коллективном характере научной деятельности, основанной на разделении труда и кооперации ученых⁴.

К наиболее общим характеристикам любого рода позитивизма можно отнести: (1) установку на «устранение философии» в смысле традиционной метафизики; (2) последовательный эмпиризм в теории познания; (3) индуктивистскую методологию⁵. К перечисленным характеристикам можно также добавить (4) отождествление науки с естествознанием и отрицание любой специфичности гуманитарного познания, выведение ценностей за рамки научного дискурса (принцип цен-

⁴ Трубникова Н.В. Ревизия наследия позитивизма в исследованиях современной французской историографии // Известия Томского политехнического университета. — 2006. — Т. 309. — № 6. — С. 206-207.

⁵ Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Актуальные проблемы духовности. — 2006. — Вып. 7. — С. 168.

ностно нейтральной науки)⁶.

Все перечисленные особенности позитивизма в полной мере были представлены в философских концепциях представителей неопозитивизма. В программном документе логических позитивистов Венского кружка утверждается, что «дух научного миропонимания» и «антиметафизические устремления» характерны прежде всего для Англии, «где все еще продолжается традиция великих эмпиристов». Этот же дух «жив в исследовательской работе всех отраслей опытной науки», хотя систематически продуман и основательно представлен лишь немногими ведущими мыслителями⁷. Члены Венского кружка прямо указывали на преемственность между эмпиризмом Нового времени и своими взглядами на понимание сути научного познания, называя себя «современными эмпириками», отстаивающими принципы «научного миропонимания»⁸. Один из основателей аналитической философии Б. Рассел также отдавал дань уважения традиционному британскому эмпиризму как оппозиции неогегельянству, достаточно распространенному в Англии во второй половине XIX в. Однако те альтернативы спекулятивной метафизике, которые были предложены Расселом и логическими позитивистами, по многим ключевым аспектам не совпадают (о чем будет сказано ниже).

Признавая заслугу позитивизма в отстаивании идеалов научной рациональности в борьбе со спекулятивной метафизикой, все же следует отметить, что позитивистская методология имеет и свои слабые стороны, на которые указывали различные научно-ориентированные философы XX века⁹. Однако до последнего времени такого рода работы были практически недоступными для отечественных философов, что подкрепляло живучесть советской традиции приписывания ярлыков в качестве кратких шаблонных характеристик и преимущественно негативных оценок определенных философских направлений. Указанная традиция восходит, как известно, к работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в которой он обосновывает принцип партийности в философии и осуществляет критику гносеологических идей представителей «второго позитивизма». Указанное произведение Ленина мо-

⁶В данном контексте достаточно вспомнить о проекте социологии как «социальной физики» О. Конта, а также о неопозитивистской программе «единой науки».

⁷Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Актуальні проблеми духовності. — 2005. — Вип. 6. — С. 197.

⁸См.: Там же. — С. 197-214.

⁹См., напр.: Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism // The Philosophical Review. — 1951. — № 60. — P. 20-43; Strawson P.F. Analysis and metaphysics. An introduction to philosophy. — New York: Oxford University Press, 1992.

жно считать ярким примером того стиля философствования, который стал доминирующим в советское время. В частности, можно говорить о таких его характеристиках: (1) стремление вписать любого философа, любое направление или течение в жесткие рамки упрощенно-бинарного взгляда на историко-философский процесс, а именно как на борьбу двух «партий» в философии (материализма и идеализма), которую, в свою очередь, следовало рассматривать как выражение классовой борьбы на «философском фронте»; (2) использование резких идеологических оценок философских направлений, которые не разделяют те или иные положения марксизма; (3) приписывание оппоненту чуждых ему взглядов и положений и критика именно этих взглядов и положений, вместо обсуждения позиции оппонента по существу; (4) монологизм и избегание конструктивной научной дискуссии по существу рассматриваемых проблем. Согласно ленинскому принципу партийности в философии, «современный позитивизм» квалифицировался как разновидность субъективного идеализма, спекулирующая на достижениях современной науки. В дальнейших оценках разновидностей позитивистского направления советские философы продолжали ориентироваться на критическую аргументацию Ленина, исходя из того, что «[к]ритика В.И. Лениным махизма всецело сохраняет свою силу и значение в отношении всех разновидностей современного позитивизма»¹⁰.

Современная отечественная философия в большинстве своем продолжает опираться на классификации, сформулированные в рамках советской традиции, не всегда учитывая, что отнесение концепции того или иного философа к определенному направлению философской мысли зачастую играет решающую роль в последующем отношении исследователей к его идеям. Ярким примером тому выступает термин «позитивизм», с советских времен используемый для обозначения совокупности наукоподобных направлений «буржуазной» философии. В отечественной философской литературе сложилась устойчивая традиция обозначать этим термином любую рационалистическую и научно-ориентированную философскую концепцию XX века.

Как результат, имеем парадоксальную ситуацию, когда до сих пор во многих наших учебниках стандартным образом в качестве «позитивистов» фигурируют такие мыслители как Фреге, Рассел, Мур, Поппер и многие другие, чьи взгляды не только не укладываются в позитивистские рамки, но явным образом противостоят любым доктринам

¹⁰ *Философия марксизма и неопозитивизм: вопросы критики современного позитивизма. Сборник статей / Под ред. Т.И. Ойзермана. — М.: Изд-во Московского университета, 1963. — С. 30.*

позитивистского толка¹¹.

Подробное же рассмотрение учений указанных мыслителей приводит к неожиданным выводам: либо эти философы в высшей степени непоследовательны, либо выбранная классификация неверна.

Позитивизм, вместе с приставками нео- и пост-, в настоящее время выступает одним из наиболее растражированных ярлыков, сфера употребления которого включает поле философских исследований, по сути принадлежащих к аналитическому направлению в философии в целом. Устойчивый стереотип, согласно которому аналитическая философия в широком смысле отождествляется с неопозитивизмом или рассматривается как продолжение идей позитивизма, порождает ошибочное мнение, что позитивизм — максимально широкое направление, которое включает или, по крайней мере, инспирирует идеи аналитических философов. В этой связи М.С. Козлова пишет:

Аналитическую философию нередко характеризуют как «семейство» концепций позитивистского толка. Между тем сочетание современных методов концептуально-языкового анализа [...] с установками позитивизма — скорее конкретное, локально-историческое, чем принципиальное, теоретическое обстоятельство¹².

3 Аналитическая философия как стиль мышления

Следуя предложенному А.Ф. Грязновым различению двух смыслов термина «аналитическая философия»: узкого (как «доминирующего направления в англоязычной философии XX века, прежде всего в послевоенный период») и широкого (как «определенного стиля философского мышления»)¹³, в данном исследовании мы будем говорить об аналитической философии в широком смысле, т.е. по сути о рационалистической философии, которая позиционирует себя в качестве оппонента любым разновидностям иррационализма и интуитивизма. В рамках аналитической философии «можно выделить несколько самостоятельных школ (таких как Венский кружок, Львовско-Варшавская школа логики, Кембриджская философия анализа и др.), которые вели и ведут между собой острые дискуссии, причем каждая из этих школ располагает собственным кругом рассматриваемых проблем и

¹¹ Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Актуальні проблеми духовності. — 2006. — Вып. 7. — С. 168.

¹² Козлова М.С. Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом? (К пониманию природы философии) // История философии. — 2000. — Вып. 5. — С. 5.

¹³ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. — М.: Высшая школа, 2006. — С. 13.

определенным набором типичных подходов к их решению»¹⁴. Однако, несмотря на то, что представители аналитического направления придерживаются самых разнообразных, а зачастую и противоположных, позиций, все они неизменно выдерживают аналитический стиль постановки и исследования философских проблем.

К важнейшим особенностям указанного стиля философствования можно отнести:

- (1) стремление рассматривать и решать собственно философские проблемы посредством философского анализа языка (лингвистический поворот в современной философии);
- (2) активное использование методов и средств (в том числе, технических) современной логики и связь с определенного рода точной философской терминологией, которая вводится и определяется логически корректным образом;
- (3) высокие требования к ясности и четкости аргументации, используемой для обоснования тех или иных философских положений¹⁵.

Размышляя о способах осуществления философского исследования, К. Поппер пишет:

В наше время аналитическая философия, пожалуй, единственная философская школа, которая поддерживает традиции рационалистической философии¹⁶.

Несмотря на скептическое отношение Поппера к возможностям логического и лингвистического анализа, он готов признать существование «единственного метода философии», а именно — метода рациональной дискуссии, также присущего и естественным наукам, сущность которого заключается «в ясной, четкой формулировке обсуждаемой проблемы и критическом исследовании различных ее решений»¹⁷.

Таким образом, можно утверждать, что аналитическая философия в широком смысле отстаивает идеалы классической рационалистической философской традиции. Обращаясь к теме рациональности

¹⁴ Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. — 2005. — № 2 (47). — С. 4.

¹⁵ Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Актуальні проблеми духовності. — 2006. — Вип. 7. — С. 186.

¹⁶ Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983. — С. 35.

¹⁷ Там же. — С. 36.

в целом, А.И. Абдула выделяет два её аспекта: (1) *формальный* (характеризует форму, в которой тот или иной философ излагает свои взгляды, насколько последовательны, связаны и аргументированы его вербально-логические построения); (2) *содержательный* (характеризует ту роль, которая отводится в данной философской системе разуму, будь то гносеологический, онтологический или любой другой его аспект)¹⁸.

«В определенном смысле именно формальная составляющая имеет решающее значение» (требование непротиворечивости, логической замкнутости, определенности основных понятий: эти критерии — «идеальные» ориентиры, соответствие которым обеспечивает формальную рациональность изложения)¹⁹. В свете такой дихотомии аналитическая философия рациональна не только по форме, но и содержательно — в плане выбора исследуемых проблем: это не попытка объяснить весь мир одной теорией, но рациональная разработка конкретных вопросов отдельных проблемных областей.

Для аналитического направления современной философии характерно понимание философии как науки, а философствования как научной деятельности, специфика которой определяется точно так же, как это имеет место в случае других наук²⁰.

Аналитическая философия предъявляет к исследователю строгие требования, среди которых можно выделить следующие: (1) *внутренняя непротиворечивость* исследования; (2) *обоснованный экспликационизм*, т. е. явное и четкое формулирование очевидных для исследователя мыслей; (3) *конкретность*, что подразумевает четкую постановку проблемы, определение границ исследования и методов,

¹⁸См.: Абдула А.И. «Кризис рациональности» в контексте противостояния рационализма и иррационализма // Актуальні проблеми духовності. — 2005. — Вип. 6. — С. 44.

¹⁹Там же. — С. 45.

²⁰Подробный анализ понимания научной сути философии (в отличие от мировоззрения) см. в: Сучасна філософія й інтелектуальна багатокладність (Філософські діалоги) // Актуальні проблеми духовності. — 2003. — Вип. 4. — С. 163-182; О философии континентальной и аналитической и об интеллектуальной многоукладности. Беседа В. Россмана с Я. Шрамко // Вопросы философии. — 2002. — № 11. — С. 106-123; Що таке філософія? Діалог Вадима Россмана і Ярослава Шрамка // Актуальні проблеми духовності. — 2009. — Вип. 10. — С. 53-83; Должен ли философ быть поэтом? Диалог Вадима Россмана и Ярослава Шрамко // Логос. — 2009. — № 4—5 (72). — С. 106-135; Шрамко Я.В. Філософія: наука чи світогляд? // Актуальні проблеми духовності. — 2010. — Вип. 11. — С. 98-112; Шрамко Я.В. Філософія: наука или мировоззрение? // Язык — знание — реальность. — М.: Альфа-М, 2011. — С. 267-285.

однозначность и недвусмысленность используемой терминологии; (4) методологическая *последовательность*; (5) *глубина* исследования, что предполагает максимальное приближение к оригинальным идеям мыслителя и дальнейшую их адекватную интерпретацию; (6) *критичность* и готовность принять критику в свой адрес, т.к. любая претензия на окончательную завершенность и бескомпромиссную истинность в конце концов оказывается ненаучной.

Итак, принципиальными для аналитического философа, принадлежащего к рационалистической философской традиции в широком смысле, можно считать:

- (1) научное (в отличие от мировоззренческого) понимание философии;
- (2) ориентация на критерии научной рациональности (формальная и содержательная рациональность);
- (3) отказ от построения всеохватывающих и всё объясняющих теорий;
- (4) конкретная постановка реальных философских проблем с последующим их уточнением, прояснением и обоснованием;
- (5) критическая, антидогматическая установка, в том числе и по отношению к себе, своим идеям, готовность пересматривать свои убеждения.

4 Антипозитивистские тенденции в аналитической философии

Рассматривая аналитическую философию в таком широком смысле, можно прийти к выводу, что на определенных этапах своего развития данное рационалистическое философское направление пересекается с позитивизмом, точнее логическим позитивизмом, и включает в себя критический рационализм. Поэтому идентификация всех представителей аналитической философии, как позитивистов, неопозитивистов или постпозитивистов²¹ неправомерна, так как

²¹Название «постпозитивизм» выступает терминологически некорректным применительно к идеям критического рационализма К. Поппера, так как приставка *пост-* не предполагает оригинальной, целостной концепции, указывая на некоторое переосмысление предыдущих идей.

значительно сужает область исследований и приводит к необходимости искусственно вписывать идеи рассматриваемых философов в позитивистские концепции.

Несмотря на практически безраздельное господство в философии науки вплоть до середины XX в., позитивистская методология на сегодня не признается единственно возможной. Обращение к истории философии и актуализация кантовского эпистемологического наследия значительно расширили горизонты философско-методологических поисков на основе определенного синтеза эмпиристских и рационалистических идей. Кроме критики последовательного эмпиризма, к теоретической философии И. Канта восходят и другие методологические инновации XX в., например, идея концептуальных схем. Всестороннее осмысление кантовских эпистемологических идей и дальнейшее их развитие происходит в рамках аналитической философии, выходящей за узкие рамки позитивизма. Однако данный тезис для многих отечественных мыслителей остается не таким уж очевидным, вследствие чего воспроизводится советская традиция относить к позитивистскому направлению всех тех философов XX в., которые в своих исследованиях опирались на идеалы научной рациональности, логику и естественные науки.

Важно учитывать, что подобного рода абберация имеет не такой уж безобидный характер, поскольку она не только серьезно искажает общую картину развития философии в XX ст., но и значительно затрудняет понимание существа рассматриваемых философских концепций. И если в советское время такой упрощенный подход был во многом обусловлен требованиями идеологического характера, то его сохранение в наши дни можно объяснить лишь силой инерции и слабым знанием существа дела²².

Фактически общепринятым в отечественной философской литературе, особенно учебного характера, является отнесение к позитивизму таких выдающихся западных мыслителей, как Б. Рассел, стоявшего у истоков кембриджской школы анализа, и К. Поппер — основателя критического рационализма. Несмотря на то, что различия между исходными установками и методом кембриджцев и философов Венского кружка рассматривались «по горячим следам» уже в 30-е годы XX века²³, ярлык позитивизма до сих пор выступает в качестве основ-

²² Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Актуальні проблеми духовності. — 2006. — Вип. 7. — С. 168-169.

²³ См., напр.: Stebbing S.L. Logical positivism and analysis. — London: H. Milford, 1933; Black M. Relations between Logical Positivism and the Cambridge School of Analysis // The journal of Unified Science. — 1939. — Vol. 8. — Issue 1. — P. 24-35.

ной характеристики ранних аналитиков. Подобное навешивание ярлыка «через отрицание» произошло и с критическим рационализмом, который в философской литературе неизменно рассматривается как форма или стадия позитивизма или же «наиболее серьезная попытка спасения неопозитивизма под формой его критики»²⁴. В то же время самостоятельное рассмотрение учения Поппера приводит к выводу, что ключевые установки, методологические особенности и общая концепция позволяют отнести его к аналитическому движению²⁵.

Итак, несмотря на то, что Карл Поппер был лично знаком со многими логическими позитивистами и публиковался в издаваемой ими книжной серии «Труды по научному миропониманию», а Бертран Рассел, даже вступая в полемику с логическими позитивистами, не забывал отмечать, что позитивистские установки близки ему по духу, все же есть достаточные основания утверждать, что их философские концепции, хотя и относятся к аналитической философии, во многом имеют антипозитивистскую направленность. Чтобы обосновать этот тезис, следует еще раз обратиться к перечисленным выше наиболее общим характеристикам позитивизма и рассмотреть философско-методологические концепции Рассела и Поппера на предмет наличия или отсутствия в них таких характеристик.

4.1 Рассел: установление «границ эмпиризма»

Развитие аналитической традиции сходно с неопозитивизмом, прежде всего, в ее близости к науке, но если логический эмпиризм вырастает из естествознания, то аналитический метод формируется в недрах логики и математики в работах Г. Фреге, Б. Рассела, Дж. Мура, Л. Витгенштейна, и изначально оказывается ближе к позиции реализма, нежели эмпиризма. Неопозитивисты видят в себе продолжателей идей эмпиризма и индуктивизма, в целом же

аналитическая философия в значительной степени продолжает классические традиции философского анализа, лучшие образцы которого можно найти в работах Аристотеля, Декарта, Локка, Лейбница, Канта и других великих философов²⁶.

²⁴ «Критический рационализм»: философия и политика (Анализ концепций и тенденций). — М.: Мысль, 1981. — С. 66.

²⁵ Шрамко Я. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. — 2005. — № 2 (47). — С. 11.

²⁶ Там же. — С. 5.

Первичное оформление аналитический метод получил благодаря деятельности кембриджских аналитиков Б. Рассела и Дж.Э. Мура. Постановка анализа в качестве основного метода философского исследования, круг проблем, ориентация на научность и заявления Рассела о том, что вся традиционная метафизика изобилует ошибками, проистекающими из «плохой грамматики»²⁷ во многом сближало его с неопозитивистскими установками. Поэтому отнесение Бертрана Рассела одновременно к основателям аналитической философии и к неопозитивистскому течению стало практически общепринятым. Часто ему приписывают и основание, и разработку основных идей неопозитивизма, но знакомство с трудами Рассела позволяет сделать вывод, что его философские изыскания интерпретируются в качестве неопозитивистских с большой натяжкой, которая обусловлена совпадением во времени и частично в тематике исследования.

Часть работ Рассела изобилует полемикой с неопозитивистами (в частности с Р. Карнапом) и направлена на экспликацию противоречий, порождаемых радикальными эмпиристскими установками и использованием недостаточно проясненных понятий. Рассел отмечает, что

отличие моих взглядов от взглядов логических позитивистов главным образом и состоит в том, что я придаю большое значение обсуждению этих предварительных вопросов²⁸.

С другой стороны, он не часто высказывал свое неприятие позитивистских установок, причем делая это достаточно мягко и с оговорками:

Я больше симпатизирую логическому позитивизму, нежели любой другой из существующих философских школ. Однако в отличие от него я гораздо большее значение придаю работам Беркли и Юма²⁹.

Философия Рассела пересекается с неопозитивистской методологией прежде всего относительно роли анализа в научном познании. Вместе с позитивистами он утверждает:

Тот, кто отвергает законность анализа, вынужден утверждать, что существует знание, невыразимое в словах³⁰.

²⁷ См.: *Рассел Б. Философия логического атомизма*. — Томск: Водолей, 1999. — С. 95.

²⁸ *Рассел Б. Исследование значения и истины*. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 356.

²⁹ *Рассел Б. Философия логического атомизма*. — Томск: Водолей, 1999. — С. 7.

³⁰ *Рассел Б. Исследование значения и истины*. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 371.

В ходе своих логических исследований Рассел разрабатывает «эвристический принцип», который он сравнивает с «Бритвой Оккама» или «принципом освобождения от абстракций». Этот принцип может быть сформулирован следующим образом:

Всюду, где возможно, заменяйте конструкциями из известных сущностей выводы к неизвестным сущностям³¹.

Его применение зависит от наличия достаточно надежного множества суждений, которые должны быть интерпретированы логиком таким образом, чтобы сохранить их истинность, сведя к минимуму элемент вывода ненаблюдаемых объектов³². Исходные установки расселовского аналитического метода были активно восприняты неопозитивистами, но не менее активно ими были отвергнуты его следствия, положенные Расселом в основу концепции логического атомизма, которая была оценена неопозитивистами в целом как метафизическая.

Следуя предложенным выше критериям отнесения того или иного философа к позитивистскому направлению, более подробно рассмотрим позицию Рассела относительно метафизики и неопозитивистской установки на ее преодоление. Прежде всего, следует отметить, что, согласно Расселу,

так называемые научные философы, пытаясь найти научные заменители для того, что они называли пренебрежительно «метафизика», впадают в свои собственные метафизические затруднения³³.

Неопозитивистский подход он трактует как новый вид схоластики, который, как и его средневековый предшественник, загоняет себя в узкие рамки собственной метафизики. По его мнению, критика всех философских рассуждений как бессмысленных представляет значительное затруднение для позитивистов, так как теория верифицируемости сама является философским учением и не представляет собой эмпирическое утверждение³⁴. Он отрицает так называемый «метафизический агностицизм», присущий логическому позитивизму, с точки

³¹ Рассел Б. Логический атомизм // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). — М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. — С. 23.

³² См.: Там же.

³³ Рассел Б. Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами. — М.: Республика, 1998. — С. 431.

³⁴ В свою очередь Карнап в работе «Логический синтаксис языка» подвергает критике «метафизический» логический атомизм Рассела.

зрения которого метафизические высказывания не способны дать никакого знания о мире вследствие их неverifiedируемости, а значит и бессмысленности.

Некоторые современные философы [...] забывают о том, что язык является таким же эмпирическим феноменом, как и другие феномены, и что метафизический агностик должен отрицать, что он что-то знает, когда использует некоторое слово³⁵.

Таким образом, указывая на «ошибки метафизики», которыми, по его мнению, изобилует история философии, Рассел, в отличие от позитивистов, не отвергает ее познавательную ценность. Напротив, он стремится разработать аналитический метод, благодаря которому метафизику можно избавить от ошибок.

Относительно второй особенности позитивизма, а именно последовательного эмпиризма в теории познания, позиция Рассела также довольно однозначна. Он отмечает, что чаще всего он имел дело с проблемами логики и математики, которые, не будучи эмпирическими науками, тем не менее, представляют собой определенного рода знание, а не философские спекуляции. Поэтому эмпирический подход к знанию, разрабатываемый логическими позитивистами, вызывает у него ряд возражений и в целом порождает расхождения по существенным вопросам³⁶. Рассел считает, что «современные эмпирики» неверно устанавливают отношение между опытом и знанием, что обусловлено недостаточным прояснением понятия «опыт» и попытками приписывать свойства неопределенным носителям. По его мнению, слабость такой теории как способа объяснения проблем познания заключается в том, что она требует от исследователей находиться вне арены, на которой должны сравниваться ощущения и предложения. Таким образом, с точки зрения Рассела, в каждом утверждении следует выделять две стороны: (1) субъективную, которая выражает состояние говорящего, и (2) объективную, с помощью которой утверждение призвано указать на некоторый факт, и это получается, когда оно истинно³⁷.

Элиминация субъекта порождает проблемы с верификацией, ведь тогда оказывается, что ее некому осуществлять. Рассел приводит пример с верификацией высказывания «Атомная война уничтожит все земное на планете», которое очевидно осмысленно, но никак не может

³⁵ Рассел Б. Исследование значения и истины. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 393.

³⁶ См.: Russell B. Logical Atomism // Russell B. Logic and Knowledge. — London and New York: Routledge, 1997. — P. 321-344.

³⁷ Рассел Б. Философия логического атомизма. — Томск: Водолей, 1999. — С. 19.

быть верифицировано, ввиду отсутствия субъектов верификации. Подобные проблемы возникают с высказываниями о прошлом, тем более, о времени, в котором человечества еще не существовало, хотя вряд ли кто-то возьмется отрицать, что наша планета существовала до возникновения разумной жизни на ней. Даже более простые случаи оказываются проблематичными: как верифицировать высказывания «Иногда дождь идет в тех местах, где его никто не видит» или «Земное ядро содержит железо»? В этом случае, иронизирует Рассел, логические позитивисты должны были бы обратиться к берклианскому Богу, чего они уж точно не желают³⁸.

Расселовская критика верификационизма внесла значительный вклад в дальнейшее ослабление этого принципа. В частности он указывает на бесконечность процесса верификации: если найден метод верификации некоторого утверждения, возникает вопрос о верификации этого метода и т.д. до тех пор, пока исследователь не будет вынужден допустить, что значение высказывания просто очевидно³⁹. По мнению Рассела, чтобы избежать подобных противоречий, позитивистский принцип верификации должен быть встроен в синтаксис формализованного языка, в котором нельзя сформулировать неверифицируемое утверждение. Однако вопросы значения нельзя свести к синтаксическим конструкциям, кроме того, построение такой системы подразумевало бы, что все открытия к тому времени уже сделаны.

Дальнейшие размышления над неточностями логического эмпиризма приводят Рассела к необходимости исследования отношения между истиной, значением, верификацией и последующему выводу, что «верифицируемые предложения являются подклассом истинных предложений»⁴⁰. Рассматривая логическую и эпистемологическую теории истины, он утверждает, что они обе содержат определенные трудности.

Эпистемологическая теория истины, развитая непротиворечивым образом, ограничивает в чрезмерной степени знание [...] Логическая теория вовлекает нас в метафизику [...] Какую бы теорию мы ни приняли, я думаю, придется признать, что значение ограничено опытом, но значимость — нет⁴¹.

³⁸См.: *Russell B. Logical Atomism // Russell B. Logic and Knowledge*. — London and New York: Routledge, 1997. — P. 321-344.

³⁹*Рассел Б. Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами*. — М.: Республика, 1998. — С. 456.

⁴⁰*Рассел Б. Исследование значения и истины*. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 331.

⁴¹*Там же*.

Поскольку мы вынуждены признать, что существуют события, кроме тех, с которыми мы непосредственно сталкиваемся в опыте, Рассел делает вывод, что «не существует подлинных эмпиристов, и что в правоте эмпиризма, хотя он и неопровержим логически, на самом деле не убежден никто»⁴². Факт включает в себя опыт, но не каждый факт дается нам в опыте. Таким образом, нет причин считать, что все истинные высказывания верифицируемы. В целом, по мнению Рассела, чистого эмпиризма не придерживается никто, так как мы, по крайней мере, должны допустить правила рассуждения, которые не являются ни наглядными, ни выводимыми из опыта.

Сомнительным для Рассела выглядит неопозитивистское понимание индукции, выбранное нами в качестве третьего пункта сравнения.

Карнап и вся школа, к которой он принадлежит, знание понимают как научное знание и прежде всего как суждения, подобные такому: «Металлы проводят электрический ток». Ясно, что такие суждения требуют большого числа наблюдений. Но если ни одно единичное наблюдение не приносит никакого знания, как может ряд наблюдений принести знание?⁴³

Рассел утверждает, что каждое единичное наблюдение что-то приносит наблюдателю, что выразить словесно довольно сложно, хотя и не невозможно. В этом смысле он вместе с позитивистами отвергает понятие невыразимого знания⁴⁴.

Относительно необходимости построения ценностно нейтральной науки и отрицания специфичности гуманитарного познания позиция Рассела не может быть явно сформулирована, но, в отличие от неопозитивистов, которые четко ограничили сферу своей деятельности как внеценностную, Рассел занимает активную гражданскую позицию, публикуя ряд работ антивоенной направленности.

Реакция Рассела на Первую мировую войну была нехарактерной для его круга общения: он не впал в отчаяние, он стал действовать, в частности, включился в пацифистское движение. И эта реакция была обусловлена его позицией философа-рационалиста. Вторую мировую войну Рассел встречает сборником статей «Люди — думайте!»⁴⁵.

В своих публицистических работах Рассел касается широкого круга социально острых вопросов политики, религии, воспитания молодежи.

⁴² Там же. — С. 344.

⁴³ Там же. — С. 356.

⁴⁴ См.: Там же. — С. 357.

⁴⁵ О.А. Назарова «Я привык думать о себе как о рационалисте...» // Рассел Б. Искусство мыслить. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 8.

Также этот английский мыслитель известен как «популяризатор философии», он имел талант просто и ясно презентовать самые сложные и абстрактные философские конструкции, показывая важность занятия философией. Рассел не пытается ограничить сферу философии пояснением языка науки, напротив он разводит области применимости науки и философии, оставляя последней сферу непознанного и заставляя ее ставить вопросы, призванные усиливать интерес к миру. С его точки зрения, философия, даже если она не может ответить на многие вопросы с четкостью, присущей науке, обладает силой постановки вопросов и может продемонстрировать «странности и чудеса», лежащие за пределами обыденного взгляда даже на самые простые вещи. Ценность философии — в ее неопределенности. Будучи пленником предрассудков здравого смысла, человек всю жизнь может считать мир ясным, определенным и конечным, не задавая вопросов о знакомых вещах и отвергая незнакомые возможности. Согласно Расселу, философия освобождает нас от тирании привычки, уменьшая наше ощущение достоверности в отношении того, каковы вещи, она увеличивает наше знание того, чем вещи могут быть⁴⁶. Философия, как и другие науки, нацелена на получение знания, но философское знание возникает в результате критического рассмотрения наших предрассудков и придает единство и системность всему зданию науки.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на фрагментарное совпадение взглядов, тематики и методологии исследования, аналитическое направление с момента своего зарождения не сливалось с неопозитивизмом. Значительная симпатия кембриджских аналитиков, в частности Рассела, к идеям логического эмпиризма дополнялась подробным исследованием противоречий последнего, следствием которого был отказ от радикальных установок неопозитивизма.

4.2 Поппер «убил» логический позитивизм

Следует отметить, что причисление К. Поппера к числу логических позитивистов не было исключительно советским изобретением. Как утверждает сам Поппер, до публикации работы «*Logik der Forschung*» на английском языке в 1959 году философы в Англии и Америке за редким исключением воспринимали его как логического позитивиста, «или в лучшем случае неортодоксального логического позити-

⁴⁶См.: Рассел Б. Проблемы философии. — Новосибирск: Наука, 2001.

виста, заменившего верифицируемость фальсифицируемостью»⁴⁷. Появление этой «легенды» Поппер связывает с тем, что первое издание на немецком языке указанной его логико-методологической работы в 1934 году вышло в преимущественно позитивистской книжной серии, редактируемой ведущими членами Венского кружка Ф. Франком и М. Шликом («Труды по научному миропониманию»). Поппер был лично знаком со многими членами этого кружка, некоторые были его преподавателями в Венском университете (например, Г. Ган), а некоторые даже друзьями (например, В. Крафт и Ф. Вайсман). Он высоко оценивал деятельность кружка Шлика, полагая, что «развал кружка был очень серьезной потерей»:

Лично я многим обязан некоторым его членам, особенно Герберту Фейглу, Виктору Крафту и Карлу Менгеру — не говоря о Филиппе Франке и Морице Шлике, которые приняли мою книгу несмотря на то, что в ней содержалась суровая критика их собственных взглядов. И снова, косвенно, благодаря кружку, я встретился с Тарским, [...] именно от Тарского я узнал больше, как мне кажется, чем от кого-либо еще. Но, вероятно, больше всего Венский кружок привлекал меня своим научным отношением или, как я предпочитаю называть это сейчас, рациональным отношением⁴⁸.

Наконец, проблемы, которые интересовали Поппера в первый период его творчества (конец 1930-1960 гг.), были четко поставлены уже логическими позитивистами: проблемы демаркации научного знания, оснований, истины, источника познания, научного метода, соотношения эмпирического и теоретического уровней научного познания и др.

Однако, невзирая на все перечисленное, нет достаточных оснований утверждать, что Поппер даже на раннем этапе своей деятельности разделял взгляды логических эмпириков на сущность научного познания. Следовательно, нет никаких оснований причислять его к позитивистскому направлению в целом и к неопозитивизму в частности (что является очевидным даже исходя из значения названия основанного им философского направления — «постпозитивизм», т. к. и в латинском, и в английском, и в немецком языках слово «post» означает «после»). Как утверждает Г. Сколимовский,

Поппер расходился с логическими эмпириками не по тому или иному конкретному вопросу, а по поводу всей концепции науки и, следовательно, всей концепции человеческого знания⁴⁹.

⁴⁷ Popper K. Unended Quest. An Intellectual Autobiography. — London and New York, 2005. — P. 98.

⁴⁸ Поппер К. Неоконченный поиск // Логос. — 2009. — № 4-5 (72). — С. 98.

⁴⁹ Сколимовский Г. Карл Поппер и объективность научного знания // Эволюци-

Сам же Поппер считает, что именно он «убил логический позитивизм»:

Все сейчас знают, что логический позитивизм умер. Но никто, кажется, не подозревает, что, может быть, тут нужно задать один вопрос — По чьей вине? или, скорее, Кто его убил? [...] Я боюсь, что должен признать виновным себя. Однако я сделал это не специально: моим единственным стремлением было указать на то, что мне казалось некоторыми фундаментальными ошибками⁵⁰.

В рамках критического рационализма Поппер разработал такую версию философско-методологической концепции, которая построена по принципу оппонирования всем ключевым положениям неопозитивистов. Во-первых, если логические эмпирики, как и все позитивисты, считали философию бессмысленной спекуляцией, на смену которой должно прийти позитивное знание об эмпирической действительности, то Поппер предлагает не навешивать ярлыков на метафизику и не ниспровергать ее. В своей «Логике научного исследования» он пишет:

Нельзя отрицать, что наряду с метафизическими идеями, ставившими препятствия на пути прогресса науки, были и другие, такие, как умозрительный (спекулятивный) атомизм, которые способствовали ему⁵¹.

В другой своей работе — «Предположения и опровержения» — Поппер утверждает, что, «хотя метафизика и не является наукой, она вовсе не обязательно должна быть бессмысленной»⁵². Так же как и в науке есть настоящие и стоящие внимания проблемы, они есть и в философии. Более того, философские проблемы не являются бессмысленными псевдопроблемами, поскольку они укоренены в науке. Итак, Поппер разрабатывает, по его выражению, «апологию философии».

Во-вторых, если неопозитивисты позиционируют себя в качестве «современных эмпириков», то Поппер разрабатывает концепцию «критического рационализма». Сущность этой концепции во многих аспектах созвучна кантовской идее синтеза эмпиризма и рационализма, которые, по сути, в новой форме продолжили полемику между Платоном и Аристотелем относительно ключевых гносеологических проблем. Более того, можно говорить о том, что Поппер, как и Кант, и Рассел, искал ответ на вопрос «как возможна теоретическая наука?»

онная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 245.

⁵⁰ Поппер К. Неоконченный поиск // Логос. — 2009. — № 4-5 (72). — С. 97.

⁵¹ Поппер К. Логика научного исследования. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — С. 37.

⁵² Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — С. 423-424.

и поэтому пытался соединить те наиболее существенные признаки научного знания, на которые указывали эмпирики («связь с чувственным миром») и рационалисты («всеобщность, которая обеспечивает его логически необходимую истинность»). Именуя свой подход критическим рационализмом, Поппер противопоставляет его как некритическому, или всеохватывающему, рационализму, так и иррационализму. Позиция критического рационализма, в его понимании, «очень близка позиции, которую занимает наука. Она связана с идеей, согласно которой каждый способен совершать ошибки. Обнаружить их может сам допустивший ошибку, другие люди или же допустивший ошибку с помощью критики со стороны других»⁵³. Что касается термина «рационализм», то Поппер использует его в достаточно широком смысле — «для обозначения не только интеллектуальной деятельности, но также наблюдений и экспериментов», поэтому в таком аспекте рационализм включает в себя и эмпиризм, и интеллектуализм (т. е. рационализм в узком смысле). Подытоживая свое понимание рационализма, Поппер говорит, что он представляет собой «расположенность выслушивать критические замечания и учиться на опыте»⁵⁴.

В-третьих, если логические позитивисты разрабатывали индуктивистскую методологию, то Поппер предлагает теорию дедуктивного метода проверки, согласно которой «гипотезу можно проверить только эмпирически и только после того, как она была выдвинута»⁵⁵. Он утверждает, что «индукция — это безнадежная путаница», что она «не играет никакой органической роли в эпистемологии, или в методе науки и росте науки»⁵⁶. Именуя проблему индукции юмовской проблемой, Поппер принимает опровержение индуктивного вывода Юмом, однако рассматривает его в качестве скорее психологической, нежели философской теории. Он же стремится обосновать логическую несостоятельность индуктивного вывода путем «логической критики психологии опыта»⁵⁷.

Важно также отметить, что для Поппера проблема индукции тесно связана с проблемой демаркации («Две проблемы — демаркации и индукции — в некотором смысле представляют собой одну пробле-

⁵³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона; Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — К.: Ника-Центр, 2005. — С. 415.

⁵⁴ Там же. — С. 403.

⁵⁵ Поппер К. Логика научного исследования. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — С. 25.

⁵⁶ Поппер К. Р. Объективное знание: Эволюционный подход. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — С. 88.

⁵⁷ Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — С. 94.

му»⁵⁸). Согласно его убеждению, индуктивную методологию принимают те исследователи, которые считают признаком настоящей науки использование наблюдения и эксперимента в качестве исходного пункта построения теорий. Однако «мир полон верификациями теории. Все, что происходит, подтверждает ее»⁵⁹. Получается, что используя индуктивный метод, мы обосновываем истинность и ненаучных теорий, например, астрологии. Поэтому Поппер, как известно, предлагает считать критерием научности статуса теории не ее верифицируемость, а наоборот, фальсифицируемость, опровержимость.

Из эмпирических свидетельств может быть выведена только ложность теории, и этот вывод является чисто дедуктивным⁶⁰.

Достаточно интересным и продуктивным можно считать также следующее наблюдение Поппера:

Верно, конечно, что любой отдельной гипотезе, принимаемой нами в тот или иной момент времени, предшествуют наблюдения, например те, которые она должна объяснить. Однако эти наблюдения, в свою очередь, предполагают наличие некоторых рамок соотнесения, рамок ожидания, теоретических структур⁶¹.

Т. е., иными словами, ученый, прежде чем осуществлять определенные наблюдения, уже имеет некоторую точку зрения, концептуальный каркас, заданный его теоретическими интересами, исследуемой проблемой, «горизонтом ожидания»⁶². Для того чтобы эта исходная точка зрения не превратилась в догму, с точки зрения Поппера, необходимо рассматривать ее как гипотезу, которую следует не доказывать, а всячески поддавать критической проверке, пытаться опровергать. Итак, научный метод сводится к постоянному выдвижению смелых предположений и их опровержений, рациональной критической дискуссии, способствующей приближению к истине, а не овладению ею.

Наконец, в-четвертых, если логические позитивисты выступали за «единую науку», то Поппер — за единый научный метод. На первый взгляд здесь нет особого различия, но оно становится заметным, если рассматривать данное положение в общем контексте их философско-методологических концепций. Неопозитивистскую концепцию единой науки Поппер называет «методологическим натурализмом или сциентизмом, который требует от социальных наук, чтобы они, наконец,

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. — С. 66.

⁶⁰ Там же. — С. 98.

⁶¹ Там же. — С. 85.

⁶² Там же.

научились у естественных наук научному методу», т. е. «начинать с наблюдений и измерений, [...] затем индуктивно продвигаться к обобщениям и теоретическим построениям»⁶³. Однако, согласно Попперу, представители методологического натурализма исходят из непонимания естественнонаучного метода. Поэтому использование индуктивного метода не приведет гуманитариев ни к объективности, ни к истинности знания. Он скорее склонен проводить различие не между естественными и социальными науками, а между наукой и не-наукой. В любой науке, независимо от предмета исследования, может быть применен метод критики (метод проб и ошибок, метод предположений и опровержений), хотя в социальных науках он приобретает одну существенную особенность — связь с практическими проблемами, которые носят конкретно-исторический характер. Следовательно, кроме общей дедуктивной логики, в социальных науках необходимо также использовать «ситуационную логику», или «логику ситуаций». Важной особенностью метода ситуационного анализа, делающей его научным методом, является рациональность и доступность для критики и улучшения⁶⁴.

Таким образом, сравнение логико-методологических концепций логических позитивистов и К. Поппера дает достаточные основания утверждать, что в своих ключевых характеристиках они противоположны друг другу. Однако в то же время следует подчеркнуть, что, несмотря на все указанные выше существенные различия, они имеют и некоторые общие черты. Прежде всего, их роднит принадлежность к рационалистической философии в широком смысле этого слова и в целом рассмотренные направления представляют отдельные аспекты аналитического стиля философствования.

5 Заключение. Аналитическая философия без ярлыков

Одним из популярных заглавий философских статей начала и середины прошлого века было название «Что такое философия?», вторая же половина XX столетия и начало XXI отмечены появлением статей, озаглавленных «Что такое аналитическая философия?»⁶⁵. Интерес к

⁶³ Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 67.

⁶⁴ Там же. — С. 74.

⁶⁵ См., напр.: Føllesdal D. Analytic philosophy: What is it and why should one engage in it? // Ratio. — 1996. — № 9 (3). — P. 193-208; Hacker P.M.S. Analytic Philosophy:

сущности и предмету философии традиционен, исследования такого рода призваны показать личную точку зрения автора и, чаще всего, выступают своего рода итогом разработанной им концепции. В попытках же прояснить сущность аналитической философии мы имеем дело с рекурсией аналитического метода. Постановка вопроса «Что такое аналитическая философия?» происходит не столько с целью саморефлексии, сколько для определения ее современной области, раскрытия новых граней аналитического метода и прояснения перспектив его применения. Это связано, прежде всего, с тем, что сегодня происходит аналитическая иннервация тех философских направлений и разделов философского знания, которые казались столь далекими от анализа на заре возникновения аналитической философии: феноменология, герменевтика, социальная и политическая философия, аксиология, религиозные исследования и др. В связи с все расширяющимся полем приложения аналитической философии и распространением рациональных и логических методов в современной философии, остается лишь надеяться, что со временем аналитическая философия станет самостоятельным, не обремененным ярлыками, направлением отечественной философии.

Надійшла до редакції 19 липня 2013 р.

What, Whence, and Whither? // The story of analytic philosophy: plot and heroes. — New York: Routledge, 1998; Walsh A. What is Analytic Philosophy? // Australasian Journal of Philosophy. — 2010. — Vol. 88. — Issue 4. — P. 734-737; Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Эпистемология и философия науки. — 2007. — № 1. — С. 87-110. и др.